

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. 22

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

Б. А. Вальская

**ПУТЕШЕСТВИЯ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО
ПО ЗАПАДНОМУ КАЗАХСТАНУ В 1839—1840 гг.
(по неопубликованному «Путевому журналу»)**

Вскоре после возвращения на родину из Черногории [4, с. 21—44] Е. П. Ковалевский стал готовиться к новому путешествию. Вот что он сам писал по этому поводу 12 марта 1839 г. выдающемуся поэту правителю Черногории Негошу: «Что же касается до меня, то другая звезда увлекает меня — и, может быть, на погибель! . . Я отправляюсь в Бухарию вместе с бухарским посланником; если бог вынесет, месяцев через семь вернусь, если нет, прощай жизнь, которая блеснула ярко, но мгновенно, утешусь тем, что был полезен на свете, мое поручение очень лестно, но и очень опасно» [14].

История, ход и результаты этого путешествия подробно изложены в книге «Путешествия Егора Петровича Ковалевского» [4, с. 45—73]. Ковалевский посетил Западный Казахстан на пути в Бухару, куда был направлен в 1839 г. по просьбе бухарского эмира — прислать «горного чиновника» для «горных изысканий». Ковалевскому поручалось произвести разведку месторождений полезных ископаемых, в особенности дорогих минералов, а также оказать помощь в «учреждении самой добычи оных». Кроме того, Ковалевский должен был собрать сведения о возможности установления торговли с Бухарой.

Перед отъездом в Среднюю Азию Ковалевский получил инструкцию от Штаба корпуса горных инженеров¹ Департамента мануфактур и внутренней торговли² и Министерства иностранных дел³.

Министр народного просвещения С. С. Уваров просил прикомандировать к экспедиции ориенталиста П. С. Савельева, но эта просьба была отклонена. Об этом подробно излагается в статье «Ковалевский и русские востоковеды» [5].

Экспедиция выехала из Оренбурга 30 октября 1839 г. с торговым караваном вместе с бухарским посланником Балтакули Чагатайбек Рахметбековым. Ковалевского сопровождали горный инженер А. Р. Гернгрос, переводчик Григорьев и мастера горного дела.

¹ ЦГИА, ф. 44, оп. 2, № 645, л. 23—28.

² АВПр. Главн. архив, II—10, 1839—1843, л. 32—35.

³ Там же, л. 28—30.

Рис. 1. Фото-копия портрета Е. П. Ковалевского работы художника И. Келера. Подлинник хранится в Институте Русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Портрет публикуется впервые

Однако достигнуть Бухары русским путешественникам не удалось из-за событий, связанных с Хивинским походом В. А. Перовского.

Через неделю после отъезда из Оренбурга путешественники достигли р. Илек, 7 ноября они переехали р. Биш-Тамак, которую Ковалевский считал истоком р. Илек. Издали видели могилу «Батыря Исета». Это была могила казахского народного героя Исета (Исета) Тайманова (1791—1838), руководителя антифеодального и антиколониального крестьянского восстания 1836—1837 гг. против хана Внутренней (Букеевской) орды Джангира и его ставленников. Вместе с Таймановым против хана Джангира боролся его друг Махамбет (Мугамет) Утемисов (1803—1846), который, как писал Ковалевский, был «душой и путеводителем Исета».

Рассказ о гибели Тайманова Ковалевский опубликовал в очерке «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовав-

шая против Хивы (1839—1840 года)» [11, с. 59—197]. Отряд Тайманова был неожиданно настигнут в степи казаками, которые, имея численный перевес, начали его окружать. «Исетай долго прикрывал бегство своих, носясь от одной толпы к другой и метая беспрестанно стрелы в русских. Он слишком надеялся на своего коня, но сытый конь загорелся; тогда Мугамет схватил под уступы его коня и повлек за собой, между тем казаки приметили и узнали Исетаю: пули градом посыпались на него, но он оставался невредим». Тогда казаки подстрелили его лошадь. «Вместе с нею упал Исетай; Эвтимиев употребил последнее усилие, чтобы поднять его и посадить на свою лошадь, но было поздно: налетевшие казаки изрубили Исетаю. Мугамет опять успел спастись» [11, с. 86].

От Илека шли по направлению к верховьям Эмбы, далее следовали на юго-восток по небольшим возвышениям, изрытым в разных направлениях «руслообразными безводными углублениями». Вскоре путешественники достигли Мугоджар — южной оконечности Уральской складчатой системы. Мугоджарские горы вытянуты в меридиональном направлении на 200 км. Средняя высота их составляет 250—350 м. Они представляют собой большей частью холмистую местность с мягкими округлыми очертаниями. 13 ноября Ковалевский и его спутники остановились в 4 км от второй по высоте вершины Мугоджар — двуглавого массива Айрык с абсолютной высотой 639 м. Отсюда постепенно стали спускаться в юго-восточном направлении и скоро достигли Каульджурской долины, расположенной недалеко от песков Большие Барсуки.

Недалеко от Каульджурской долины Ковалевский встретил первых жителей Тляу-Кабакского рода, отделения карабашцев. «Мы нашли аулы, — писал он, — чрезвычайно взволнованными и раздраженными против русских, впоследствии узнали: их только накануне нашего прихода оставили хивинские посланцы»⁴.

На пути к Большим Барсукам караван посетил хивинский посланец Науман, «присланный для возбуждения киргизов к содействию против русских»⁵. Он изменил путь каравана и направил его к Хивинскому укреплению. 17 ноября караван остановился в Больших Барсуках — полосе песков, тянувшейся к северу от Аральского моря. Ковалевский и его спутники оказались в плену у хивинцев, вокруг их кибитки был установлен караул.

В это тяжелое время Ковалевский встретил в аулах казаха, «чрезвычайно замечательного в кругу своего народа» [11, с. 81]. Это был выдающийся казахский поэт XIX в. Махамбет Утемисов, который вместе с Исатаем Таймановым руководил восстанием казахов в 1836—1837 гг. против хана Букеевской орды Джангира.

Ковалевский писал, что во время короткой беседы Утемисов обнаружил весь свой ум и красноречие. Он приводил для своих доводов подлинные «тексты Корана и толковал их не теми софизмами и общими местами, которые избиты в медресе Бухары и Самарканда,

⁴ См. с. 58 наст. изд.

⁵ Там же.

но сообразно собственным понятиям, высказывавшим глубокое изучение предмета. . .» [11, с. 82].

В 1838 г., после подавления восстания, Утемисову удалось бежать в Хиву. В октябре 1839 г. он опять появился в Букеевской орде, и хан дал приказ о его розыске. Узнав, что Ковалевский попал в тяжелое положение, Утемисов предложил ему свою помощь; он думал, что за услуги, оказанные Ковалевскому, царское правительство перестанет его преследовать и он сможет вернуться на родину. «На вас была вся моя надежда, — говорил Утемисов Ковалевскому, — уже представились мне роскошные берега Волги, и мой аул, и моя кибитка, уже виделись мне мои жены, дети: все собрались вокруг меня» [11, с. 87].

20 ноября для избавления от плена Ковалевский организовал побег. В этом побеге участвовал и Махамбет Утемисов. И когда в пути неожиданно исчез переводчик Григорьев, Ковалевский послал на его розыски Утемисова. Вскоре Григорьев на верной лошади нагнал отряд. А Утемисова Ковалевский не стал ждать, так как отряд настигала погоня.

24 ноября Ковалевский и его спутники достигли Ак-Булакского укрепления, где находился русский гарнизон. Вскоре хивинцы, не ожидая того времени, когда на них нападет отряд Перовского, сами перешли в наступление и осадили Ак-Булакское укрепление. Ковалевский, как старший в чине, должен был принять на себя руководство обороной укрепления, помощником его в этом деле был его спутник горный инженер поручик Гернгрос. Несмотря на то что нападавших было более двух тысяч, а гарнизон Ак-Булакского укрепления состоял из 240 человек, Ковалевскому удалось организовать оборону и заставить хивинцев снять осаду и отступить.

В. И. Даль в «Письмах к друзьям из похода в Хиву» писал: «Ковалевский, о котором у нас разнеслись какие-то нелепые слухи, ждет нас в Ак-Булаке, но, говорят, сам болен» [9].

Отряд Перовского, вышедший из Оренбурга 14 ноября 1839 г., с громадными потерями в людях и транспортных животных только 26 января 1840 г. достиг Ак-Булакского укрепления. Войска были измучены трудным переходом в условиях чрезвычайно суровой и многоснежной зимы и совершенно утратили боеспособность. Дальнейший путь в Хиву был закрыт непроходимыми снегами. 1 февраля 1840 г. сохранившиеся остатки отряда Перовского получили приказ о возвращении в Оренбург.

5 февраля Ковалевский и его спутники присоединились к отряду Перовского и вместе с ним в марте 1840 г. прибыли в Оренбург. 14 марта 1840 г. Ковалевский частным письмом довел до сведения начальника Штаба корпуса горных инженеров К. В. Чевкина «о прибытии своем и вверенной ему команды в Оренбург».

«С горестью, — писал он, — вспоминаю об усилиях, употребленных нами к достижению цели, которых в другое время, при других средствах (у нас было 4 казака) или обстоятельствах стало бы на выполнение более трудного предприятия; утешаюсь тем, что полугодовое пребывание в степи, странное положение наше, заставившее нас ко-

чевать со всеми почти родами западной степи, небывалое в ней волнение, причиненное ожиданием столкновения хивинцев с русскими, наконец, знакомство с батырями, стекавшимися со всех сторон к поприщу действия, познакомили меня с краем и народом киргиз-казаков»⁶.

П. М. Ковалевский в своих воспоминаниях писал, что во время этой экспедиции Егор Петрович «голодает и мерзнет вместе с верблюдами и казаками в степи; отбивается самолично в дрянном земляном укрепленьице. . . за что и получает желтуху, которая окрашивает его в цвет самой чистой охры, но не получает Георгия, к которому его представляют» [7].

Вернувшись в августе 1840 г. в Петербург, Ковалевский сразу приступил к составлению научного отчета об экспедиции и описанию своих впечатлений о посещении малоизвестных стран. В 1840 г. он опубликовал в «Горном журнале» описание Западного Казахстана [10], а в 1843 г. выпустил в свет первую часть «Странствователя по суше и морям» [11] без подписи автора. В ее состав вошло шесть очерков: «Зюльма, или женщина на востоке. Ташкент», «Несср-Улла Бахадур хан и Куч-Беги. Бухара», «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 года)», «Английские офицеры в Средней Азии», «Военная экспедиция по окраинам льда у восточных берегов Каспийского моря», «Пленный персиянин. Хива».

В предисловии к книге автор сообщал о себе следующее: «Судьба кидала меня большей частью в страны малоизвестные и почти недоступные для европейцев; на долю мою всегда доставались труд и лишения» [11].

Критики единодушно признали замечательный талант писателя-путешественника. В. Г. Белинский в рецензии на первую книжку Ковалевского писал в «Отечественных записках»: «Нам неоднократно доводилось читать (и даже слушать на кой-каких публичных чтениях) начертания путешествий, где, как в пространной географии, автор весьма подробно, по систематическому порядку, описывает положение страны, нравы и обычаи жителей, произведения природы, искусств и так далее. Все это очень полезно, потому что всегда почти увеличивает запас наших сведений, почерпнуты ли эти сведения из напечатанных уже дорожников или состоят из собственных наблюдений путешественника. Но все это большей частью немножко скучно, потому что в подобных начертаниях замечаешь более трудолюбия и начитанности, нежели ума и таланта. Этого нельзя сказать об авторе „Странствователя по суше и морям“: каждая страница его занимательной книжки обнаруживает в нем сметливую наблюдательность, умение двумя-тремя резкими чертами обрисовать быт и характер народа, среди которого он жил, или замечательные лица, с которыми он встречался» [1].

Не все свои работы Ковалевский смог опубликовать при жизни. Среди рукописей, связанных с его экспедицией в Среднюю Азию,

⁶ ЦГИА, ф. 44, оп. 2, № 645, 1839, л. 95.

большой интерес представляет «Путевой журнал во время следования по Киргиз-Казачьей степи с 30-го октября 1839 г. по 11-е марта 1840 г.»⁷, который он вел вместе с А. Р. Гернгросом.

В «Путевой журнал» Ковалевский и Гернгрос записывали маршруты путешествия, количество пройденных верст, метеорологические наблюдения; отмечали наличие воды, корма для скота и топлива, а также описывали геолого-географические особенности местности. В журнале есть записи о встречах в пути с местными жителями — казахами, которых авторы «Путевого журнала» называют киргизами, а также с хивинцами.

С 30 октября по 24 ноября 1839 г. — за 28 дней — путешественники прошли около тысячи километров и ежедневно вели записи. С 25 ноября 1839 по 4 февраля 1840 г. они находились в Ак-Булаке и записывали только метеорологические наблюдения. С 5 февраля по 11 марта 1840 г. на пути из Ак-Булака в Оренбург ежедневные записи возобновились.

Во время путешествия Ковалевский и Гернгрос собрали интересный материал и для статьи «Описание западной части Киргиз-Казачьей степи», которую опубликовали в «Горном журнале» [10]. «Путевой журнал» лег в основу очерка Ковалевского «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 года)», опубликованного в «Странствователе по суше и морям» [11, с. 59—197], а потом перепечатанного в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» как «Отрывок из дневника русского офицера» [12; 13].

«Путевой журнал» использован нами при подготовке к печати книги «Путешествия Егора Петровича Ковалевского» [4]. Полностью этот журнал публикуется здесь впервые⁸.

Три основных источника о путешествии Ковалевского по Западному Казахстану: «Путевой журнал», «Описание западной части Киргиз-Казачьей степи» [10] и «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 года)» [11] — тесно связаны между собой. Уже это одно вызывает необходимость публикации «Путевого журнала», который является документальной хронологической основой указанных выше работ Ковалевского.

Можно предположить, что первоначально «Путевой журнал» являлся приложением к отчету о путешествии и статье «Описание западной части Киргиз-Казачьей степи» [10], но, по-видимому, в ходе подготовки к печати он был настолько неожиданно снят цензурой, что авторы даже не успели убрать ссылки на него. Так, в статье есть такая фраза: «Из *прилагаемого журнала* (курсив мой. — Б. В.) видно, что до самых Мугоджарских гор держались пути, по которому следовал посланник наш Негри в Бухару в 1819 г., с незначительным в некоторых местах уклонением» [10, с. 331]. В другом месте статьи указано: «Отделившись от каравана, мы проехали пространство 300 с лишним верст в две с половиной суток (смотри *Путевой журнал*)

⁷ ЦГИА, ф. 44, оп. 2, № 645, л. 110—132.

⁸ ЦГИА, ф. 44, оп. 2, № 645, л. 110—132.

(курсив мой. — Б. В.), а потому не могли ощутить недостатка в корме для лошадей и воде» [10, с. 333].

В «Путевом журнале» природные условия описываются очень кратко, по мере того, как путешественники следовали от одного места к другому. В нескольких местах Ковалевский и Гернгрос отсылают читателя «к подробному описанию», опубликованному в «Горном журнале» [10], где дана характеристика Мугоджар, плато Устюрта, Прикаспийской низменности, пустыни Большие Барсуки.

В «Описании западной части Киргиз-Казачьей степи» Ковалевский и Гернгрос дали критику общепринятой в то время теории о соединении в историческое время Каспийского и Аральского морей и отвергли предположение о соединении Мугоджар и Устюрта на основе указанного ими различия в геологическом строении этих областей.

Я. В. Ханыков писал, что дневник Ковалевского «подтверждает показание, сделанное покойным капитаном Романовым английскому геологу Мурчисону, об отсутствии горной перемычки между Мугоджарами и Устюртом» [17]. При этом Ханыков ссылается на «Горный журнал» [10], а цитату приводит из «Путевого журнала».

«В дневнике Ковалевского под 22 ноября, — пишет Ханыков, — записано: „Ехали на северо-восток; в правой стороне оставили огромные соляные топи. Переехали речку Каульдждир и вершины Тибеня. 23 ноября, переехав Чеган, поднялись на Устюрт ущельем, непроходимым для вьючных верблюдов“. Река Чеган, как известно, нижними частями своими касается Ак-Булакской долины, лежащей к западу от Мугоджар; следовательно, если от вершин Тибеня, на восточном скате Мугоджар, можно достигнуть правого берега Чегана, не переходя гор, то очевидно, что Мугоджары оканчиваются севернее» [17].

В 1843 г. Ханыков в Париже прочел корректуру капитального труда Александра Гумбольдта «Центральная Азия» и сразу сообщил ему свои замечания по поводу «географической разнохарактерности Урала и Устюрта, соединяемых Гумбольдтом в одну систему гор». В письме к Я. В. Ханыкову в 1851 г. Гумбольдт писал: «При новом издании моей *Asie Centrale* я воспользуюсь вашим любопытным замечанием об отсутствии соединения между Мугоджарскими горами и северо-восточной оконечностью Устюрта» [8].

Учитывая чрезвычайно скудные данные, имевшиеся в то время по географии Западного Казахстана, исследования Ковалевского и Гернгроса представляли значительный интерес для науки. О статье Ковалевского и Гернгроса писали М. Н. Богданов [2], Г. П. Гельмерсен [6], И. В. Мушкетов [15], В. А. Обручев [16] и др.

О населении Западного Казахстана в «Путевом журнале» написано очень мало, но по его документальным материалам можно выявить достоверность фактов, изложенных в очерке «Экспедиция на пути в Бухару и военная экспедиция, действовавшая против Хивы (1839—1840 года)» [11]. В этом очерке Ковалевский дал описание населения казахской степи и портреты исторических деятелей казахского народа Махамбета Утемисова и Исатая Тайманова, о которых упоминает в «Путевом журнале». Он нарисовал картины безрадостной

жизни казахов, их бесправие и нищету, разорительные войны и дикий произвол восточных ханов.

«Сколько раз, — писал Ковалевский, — встречали мы полунагих, отолавших, избитых и изнуренных киргизов, скрывавшихся от холода в сугробах снега, от неприятеля в камышах и питавшихся лоскутом найденной ими шкуры или с трудом добываемыми кореньями. Как теперь гляжу я на киргиза, которого мы нашли в камышах, помнится, близ Мугоджарских гор: нагой, он лежал, свернувшись клубком и закрывши голову обеими руками; полузанесенный снегом, бедный киргиз так мало походил на человека, что, вглядываясь в него очень долго, я никак не мог распознать, что это было за существо! Наконец, откинув его заоченелые руки, мы увидели голову, до того покрытую инеем, что на ней не было приметно лица; только две звездочки глаз его блестели ярко и одни свидетельствовали о человеческой природе» [11, с. 109].

Яркими красками нарисовал Ковалевский тяжелую долю казахского народа. Он познакомил своих друзей-петрашевцев Дурова и Пальме с жизнью и бытом казахов.

«Путевой журнал» и связанные с ним работы Ковалевского являются важными источниками для изучения природы и населения Западного Казахстана 30—40-х годов XIX в.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛ ВО ВРЕМЯ СЛЕДОВАНИЯ ПО КИРГИЗ-КАЗАЧЬЕЙ СТЕПИ С 30-го ОКТЯБРЯ 1839 г. ПО 11-е МАРТА 1840 г.

30 октября. Оренбург. Выступили из Оренбурга в числе 3-х офицеров, 4-х казаков, 3-х горных мастеров и 2-х слуг. При нас находилось 22 верблюда с припасами для людей и фуражом для лошадей и при верблюдах 3 киргизца.

30 октября. Станица Благословенная. [Прошли] 17 верст⁹. 10° ниже нуля по Реомюру¹⁰ (в полдень). Ясно и тихо.

31 октября. Речка Канды-Су (кровавая вода), впадающая в Урал с правой стороны; от устья ее в трех верстах. [Прошли] 53 версты. Травы и воды много. Поутру 7°; вечером 1°; ясно; небольшой ветер. Здесь соединились мы с [неразб.] и с небольшой частью каравана, выступившего в разное время из Оренбурга. Переехали р. Бердянку в 20 верстах от Оренбурга и в 5-ти от нее небольшую реку Битте-Су.

1 ноября. Река Урал в 2-х верстах от зимовья султана правителя Юсупа Нуралиева. [Прошли] 30 верст. Воды и травы изобильно; дров достаточно. Утром 9°; ясно, тихо. Перед вечером 5°, небольшой вете-

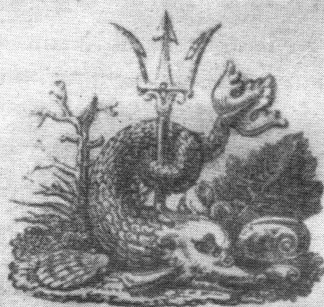
⁹ По измерению нашему, хорошие верблюды проходят удобным путем 4 версты в час; в дурную погоду и снегом — от 3 до 2-х верст. Это измерение почти соответствует измерению Борнса [3]; мы держались его впоследствии, не употребляя одометра.

¹⁰ Состояние термометра наблюдали мы всегда при выступлении каравана, т. е. около 3-х часов утра, и тогда, как останавливались на ночлег, т. е. около 3-х часов пополудни.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

отъ Ковалевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. П. Бочарова.

1843.

Рис. 2. Титульный лист книги Е. П. Ковалевского «Странствователь по суше и морям»

рок. Верстах в 3-х от зимовья султана, переправившись через р. Чит-Буртю (Крайнюю Буртю), впадающую в Урал; течение ее довольно быстро; ширина реки до 5 саж.; переправа дурна.

2 ноября. Дневка. Утром 5°; ясно, тихо. Перед вечером 0; большой ветер. Виделись с султаном правителем, который вверил нам несколько рекомендательных писем к важнейшим старшинам киргизским, особенно к роду Тляу-Кабак; к несчастью, эти письма не имели никакого влияния на тех, к кому были адресованы, как и самое имя султана на подвластных ему, но кочующих вдали от русских урочищ киргиз-казаков.

3 ноября. Р. Урта-Буртя (Средняя Буртя) в 20 верстах от фор[оста] Верхнеозерного, на противоположной стороне Урала. [Прошли] 25 верст. Воды и травы много. Утром 2° выше 0; к вечеру 1°, ясно, ветер. Караван, шедший параллельно р. Уралу, начал уклоняться на юго-восток. Почва холмистая и приметно повышается к Бурте. Переехали р. Кара-Агачты (черное дерево).

4 ноября. Вершины Урта-Бурти. [Прошли] 36 верст. Воды и травы много. Утром 3°; ясно, небольшой ветер; вечером 1° тепла; снег. Караван следовал по направлению на юго-восток.

5 ноября. Речка Верхний Ашчи-Бутак (горький рукав), впадающая в Илек. [Прошли] 44 версты. Воды и травы изобильно; дров много. Утром 9°, ясно, сильный северный ветер; вечером 1°. На пути встречались возвышения и овраги, склоняющиеся к Илеку, которые несколько затрудняли караванный ход. Чтобы иметь дрова, уклонились от настоящего пути на восток.

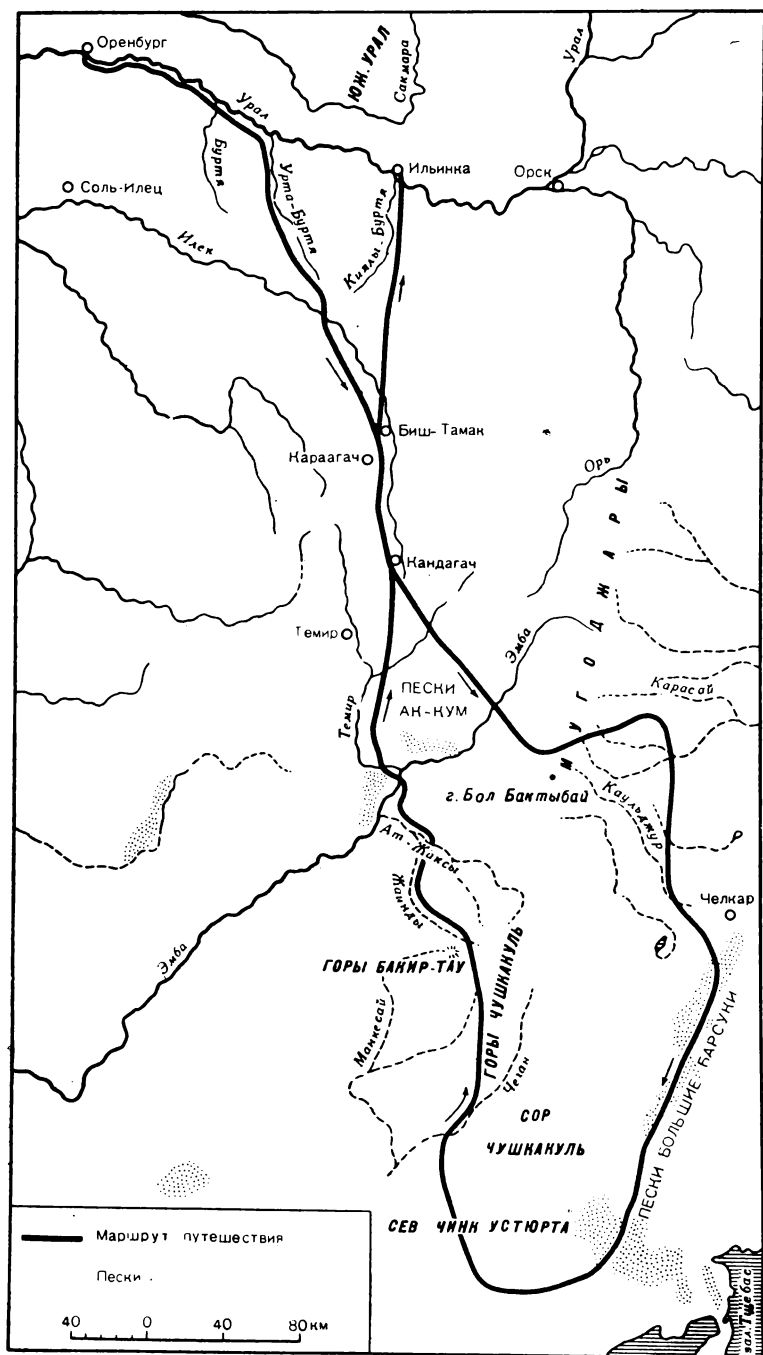
6 ноября. Река Илек, вблизи мазарок (киргизских могил) муллы Акча-Чаки. [Прошли] 36 верст. Воды, травы, дров изобильно. Утром 15°; ясно; вечером 16°, ясно, тихо. Перешедши Илек по (льду), настигли передний караван, шедший под путеводительством караванбаши Мирзы-Бая, и соединились с ним. Мазарки муллы, или киргизские могилы, состоят из обломков красного песчаника, принесенного сюда, вероятно, издалека. Обнажений горно-каменных пород до сих пор не встречали. Холмы и берега речек состоят большей частью из вязкой глины или наносного песка.

7 ноября. Биш-Тамак (пять рукавов), составляющий вершины Илека, в 3-х верстах от запасов сена, приготовленного для экспедиции, шедшей в Хиву. [Прошли] 40 верст. Воды и травы много; дров достаточно. Утром 16°; ясно; вечером 15°, ясно, тихо. Переехали один из рукавов Илека. В 2-х верстах не доезжая ночлега, видели известную мазарку Батыря Исета.

8 ноября. Дневка. Утром 17°, ясно, тихо, вечером 16°, то же.

9 ноября. Вершины Биш-Тамака. [Прошли] 36 верст. Воды много, корм для лошадей и верблюдов порядочный, недостаток дров заменяется мелким кустарником, известным под именем дерезы. Утром 17,5°, ясно, тихо, вечером 13°. Переправились через Илек и следовали на юго-восток, параллельно Биш-Тамакским вершинам. Переехали небольшие речки Тавай-Таш и Темрей, впадающие в Илек.

10 ноября. Вершины Исенбая, впадающего с левой стороны в Илек. [Прошли] 36 верст. Вода в одной версте от становища; травы

Путешествие Е. П. Ковалевского в Западный Казахстан
в 1839—1840 гг.

хорошие; дерезы много. Утром 12°; ясно; вечером 8°; ночью выпал снег и покрыл землю, но держался недолго. Путь пересекался изредка незначительными возвышениями. Недалеко от ночлега переехали вершину р. Тамды, впадающей в Илек. Исенбай составляет одну из вершин Илека; вначале тянется безводным оврагом и на всем протяжении своем имеет мало воды. В русле р. Исенбая попадались гальки белой отвердевшей глины, которой обнажения видны в окрестностях, совершенно обтертые куски песчаника, окрашенные большей частью железным окислом, и обломки лучистого кварца (см. подробное описание).

11 ноября. Отклон горы, неподалеку от вершины р. Кубелей-Темира. Расстояние перехода — 40 верст. Вода в 3-х верстах и в небольшом количестве; корм очень дурен; степь выжжена, дерезы мало. Утром 12°, вечером 10°. Небольшие возвышения и частые рытвины затрудняли переход. В рытвинах, служивших некогда ложбинами рек, находили мы небольшие кусочки сердолика и яшмы, обломки кварца и разных видов песчаников. В разрезах, которые они представляют, виден песчаник, массаи, склоняющимися на северо-восток; он мелкозернист, красного цвета и в обнажениях несколько разрушен.

12 ноября. Вершина Эмбы, известная у киргизов под именем Кундузды, берет начало из горы Айрюк, состоящей в цепи Мугоджарских гор. Расстояние перехода — 36 верст. Воды и травы много; дереза и кокпек; род шалфея, годный для корма верблюдам и для топлива. Утром 14,5°; ясно; вечером 5° выше нуля в тени; 15° тепла на солнце.

Следовали на юго-восток по небольшим возвышениям, изрытыми в разных направлениях руслообразными безводными углублениями. Переехали речки: Темир-Акмат, Кундузду и Джемным-Джелангач (одна из вершин Эмбы). В последней есть чистая пресная вода.

13 ноября. Уш-Кат (Уш-Булак — три родника) в 4-х верстах от горы Айрюк, в Мугоджарских горах. Расстояние перехода — 36 верст. Воды в родниках так мало, что едва достало на потребление каравана, травы посредственные; вблизи небольшой ольховый и осиновый лес. Утром 18°, ясно; вечером 4,5°.

Поднявшись безводными вершинами р. Кундузды, караван спустился в долину, окруженную небольшими, совершенно обнаженными возвышениями гипса. В стороне оставили р. Ак-Тыкен-Авлия, названную этим именем в честь святого Ак-Тыкен. Здесь начинаются отклоны с Мугоджарских гор. Близ Ак-Тыкен-Авлия, в версте от родников, встретили мы обнажение кремнистого песчаника, а в рытвинах, служивших ложбинами рек, — измельченные куски яшмы, полевого шпата, нечистые сердолики и кремнистый сланец.

14 ноября. Вершина Каульджира, впадающая в небольшое озеро, — Худжакуль, близ Больших Барсуков. [Прошли] 40 верст. Воды много, корм посредственный. Утром 5°, ясно; вечером 8°, ветер.

Пересекая цепь Мугоджарских гор, караван переехал на большую реку Кум-Суат (она теряется в песках, отчего и получила

свое название песчаной реки), безводные вершины Джаная и Карасая (обе текут в Иргиз) и остановился на южном отклоне Мугоджар, в вершинах Каульджира.

15 ноября. Долина, не имеющая особенного названия, в 10-ти верстах от Каульджира и в 7-ми от первых аулов Тляу-Кабакского рода, отделения карабашцев. Расстояние перехода — 28 верст. Воды в колодцах мало, травы изобильно. Утром 12°, вечером 6°.

Крутизна спусков и рытвины, пересекающие путь у подножия Мугоджарских гор, замедлили ход каравана, державшегося юго-востока, по направлению Каульджирской долины. Мы нашли аулы чрезвычайно взволнованными и раздраженными против русских: впоследствии узнали, что их только накануне нашего прихода оставили хивинские посланцы. Беспрестанные стычки киргизов с нами. Они не давали нам воды из колодцев и всячески оскорбляли наших людей. К вечеру старшина Акман со своею шайкой явился мстителем за брата своего Джан-Давлета, умершего в Оренбургской темнице. Он требовал сначала, чтобы мы все сдались, потом — чтобы выдали по крайней мере переводчика Григорьева, с которым имел он личную вражду; не успев и в этом, беспокоил нас в течение целой ночи. На другой день мы успели склонить на свою сторону некоторых киргизов и прогнали его; особенно содействовал нам в этом случае Нияз, сын известного старшины Утурали, главный караванный вожатый.

16 ноября. Каульджир, в 2-х верстах от аулов одного из старшин Тляу-Кабакского рода, отделения карабашцев, Бай-Мухаммеда. Расстояние перехода — 32 версты. Воды в колодцах изобильно, травы много. Утром 8°, ясно, вечером 5,5°.

Караван шел по направлению Каульджира на юго-восток, придерживаясь аулов, расположенных по ее долинам. На всем протяжении ее места изобилуют травами; летом река пересыхает, но киргиз-казаки пользуются водою из колодцев, вырытых во множестве в ее русле.

17 ноября. Вблизи Больших Барсуков, в версте от Мен-Авлия, возле аулов Утурали (старшины Семекеевского отделения). [Прошли] 55 верст. Воды очень мало в колодцах, и та в 3-х верстах от становища, горька и солона, травы худые, возле колодцев талы и кокпек, утром 9°, ясно, вечером 4°.

На пути встретил нас хивинский посланец Науман, присланный для возбуждения киргизов к содействию против русских. Он вдруг изменил ход каравана, направив его к северо-востоку, к Хивинскому укреплению, которого хотели избежать Бухарские купцы. После 12-часового усиленного перехода по ровным изобильным кочевьям Каульджира караван остановился в 7 часов вечера у Больших Барсуков (характер Больших Барсуков см. подробное описание).

Мы были частыми свидетелями тех притеснений, которым подвергаются караваны во время перехода через Киргиз-Казачью степь, и всей случайности торговли, идущей через нее (см. подробное описание) [4, с. 58—60].

18 ноября. Дневка. Утром 12°, ясно; вечером 5°. Мы успели привлечь на свою сторону Джеума-Назара, брата его, Бай-Мугамета, и некоторых других почетных старшин и батырей. Мугамет Эвтимиев, известный русскому правительству своими преступлениями, оказал нам деятельное содействие, желая тем самым выкупить себе прощение. Здесь собрали мы сведения о движении хивинцев на Ак-Булак и другие, с которыми и послали Мамбета к г. корпусному командиру, а равным образом известили его превосходительство о нашем затруднительном положении. Свидание с хивинскими посланцами; их угрозы. С этого дня вокруг нашей кибитки поставлен был караул.

19 ноября. Большие Барсуки. [Прошли] 25 верст. Воды в колодцах мало и большая часть солоноватая; травы посредственные; караган, кустарник, годный для топлива. Утром 12°, ясно, вечером 5°. Караван тронулся с аулом Тляу-Кабаков, которых убедили хивинские посланцы перекочевать с собою за Сырдарью.

Большие Барсуки представляют волнообразную почву твердых песков, тощая ковыль лепится на кочках его и служит скудной пищей для скота киргизов, кочующих обыкновенно здесь зимой.

Мы решились освободиться от того унижительного состояния, в которое были поставлены, и какими бы ни было средствами отделиться от каравана. Особенно узнавши, что один из хивинских посланцев уехал навстречу шедшему к Каратамаку отряду киргизского хана Жангази (Меденбея), с которым была часть хивинцев; но в этом затруднительном положении мы не могли найти вожатого ни по направлению к одному из наших укреплений, ни тем более к Бухаре. Каждый киргиз опасался навлечь на себя месть хивинцев и даже своих единоплеменников.

20, 21 ноября. Дневка. Утром 5°, пасмурно; вечером 3°, сильный ветер и снег; к ночи буран.

Новые оскорбления со стороны киргизов. У нас увели 20 верблюдов среди каравана. Схватили одного из наших горных мастеровых в нескольких шагах от каравана; но мы вовремя успели для освобождения его. Мы решились прибегнуть к старшине Утурали, известному по преданности своей России, который, несмотря на строгий за ним присмотр, посетил нас ночью. Он говорил, что вполне видел наше опасное положение и уже думал, как бы избавить от него, но находил только одно отчаянное средство: воспользоваться бураном, который свирепствовал, и совершенной темнотой ночи и отделиться от каравана по направлению к Чушка-Кульскому (Ак-Булакскому) временному укреплению, отстоявшему за 300 верст, что он, наконец, жертвует своим сыном, отдавая его нам в вожатые. Это было совершенно сообразно нашему мнению, и мы приняли предложение Утурали с благодарностью. Приготовления были сделаны немедленно и остались не замеченными со стороны карауливших нас киргизов, потому что на дворе зги не было видно; мы оставили все свои вещи, взяв, однако, принадлежавшие переводчику, казакам и мастеровым порох и бывшие с нами два небольших фальконета для заводных лошадей. Когда мы сели на лошадей, то, веро-

ятно, отразившись на горизонте, были примечены киргизами, их крики и шум подняли весь караван, одни кинулись в аулы, отстоявшие в верстах в 4-х от каравана, другие за нами в погоню, но их шум и крик служили нам только путеводителем, потому что никто не знал, куда мы отправились, и никто не полагал, что мы решились идти в Чушка-Куль, где, как думали все киргизы, уже был хивинский отряд.

В ночь с 21 на 22 ноября. Чукуркум — на оконечности Больших Барсуков. Прошли 25 верст (от 12 часов ночи до 3¹/₂ часов утра). Воды вблизи не было, травы посредственные. В продолжение ночи сильный буран.

22 ноября. В 3-х верстах не доезжая р. Майлису. [Прошли] 114 верст. Вода в русле Майлису, в колодцах в недостаточном количестве, немного солоноватая, травы мало, кустарник. День ясный. Ночью буран. Термометр не выставляли. Ехали на северо-восток, в правой стороне оставили огромные соляные топи. Переехали речку Каульдзир и вершины Тебенья. На заре заметили вдали шайку барантовщиков, может быть из тех, которые кинулись за нами в погоню; к вечеру они напали на нас; их было не более 30 человек, и при первом сопротивлении они оставили нас.

23 ноября, верстах в 10-ти проехали р. Чеган. Переход — 125 верст. Корм дурной; воды ближе Чегана нет, кустарник. Погода ясная и тихая (термометр не выставляли). Переехав Чеган, поднялись на Усть-Урт ущельем, непроходимым для вьючных верблюдов. Изрытые, крутые, разметанные горы и встречаемые повсюду окаменелости обнаруживают характер Чинка, далее эти горы сливаются в ровную или едва холмистую возвышенность. Мы следовали по ней верст 35, и только рытвины иногда затрудняли путь нам; спуск с Усть-Урта довольно удобный.

24 ноября. Ак-Булакское временное укрепление. [Переход] 40 верст. Камыш; вода солоноватая в ключе и окрестных колодцах. 10° в полдень. Обтехав пространство камышей и солонцеватых топей, составляющих отличительный характер Ак-Булакской долины, приехали в 11 часов в укрепление.

Метеорологические наблюдения за время пребывания в Ак-Булаке [проводились] с 25 ноября 1839 по 5-е число февраля 1840 г. ¹¹.

5 февраля 1840 г. Чийли (урочище в 1,5 верстах от Чий-Булака); [прошли] 11,5 версты. Воды немного в ключах Чий-Булакских; травы плохи. Утром — 24°, вечером — 23°.

Присоединенные к отряду генерал-адъютанта Перовского, тронулись к Эмбинскому укреплению на северо-восток, придерживаясь Ак-Булакских возвышенностей, для избежания солончаков, рассеянных здесь в чрезвычайном множестве.

¹¹ Эти наблюдения мы не публикуем. Ковалевский писал: «По прибытии нашем в Ак-Булакский укрепленный лагерь у нас остался один только сверенный термометр 20-градусного реомюрова деления, а потому нельзя было определить стужу ниже этого до прибытия главного отряда».

Поверхность почвы холмиста, покрыта красноватою глиною и лишена всякой растительности, солончаки же изобилуют камышами и чиём.

К северо-востоку от нашего пути тянулись горы с обнажениями железистого мергеля и серой вакки. Мергель этих гор различных свойств, большей частью с отпечатками раковин, с окаменелостями; попеременно плотен и слоист. В серой вакке кварц находится в отдельных кристаллах, а в соединении с полевым шпатом, яшмами и кремнистым сланцем переходит в конгломерат; он хрупок и потому скоро выветривается. Вершины гор завалены параллелопидальными глыбами мергеля, нагроможденными одна на другую; отклоны же покрыты дресвою.

6 февраля Чаранмсан (в 20-ти верстах от Чий-Булака); [переход] 18,5 версты. Воды нет. Травы плохи. Утром -23° , вечером -20° . Перерезав холмистую возвышенность, прилегающую к Ала-Тау, и поднявшись на сию последнюю, небольшим ущельем, мы спустились в долину Бакира, склоняясь постепенно на северо-восток.

7 февраля. Не доходя 2-х верст до подошвы Ала-Тау. Прошли 17 верст. Вода в 2-х верстах — ключевая; корма плохи. Утром -21° ; вечером -22° .

8 февраля в 11-ти верстах от Ала[-Тау] и в 7-ми от Бакир-Тау. [Переход] 19 верст. Воды нет; корма плохи. Утром -25° , вечером $-14,5^{\circ}$. Характер этих гор такой же, как и в окрестностях Ак-Булака; они гораздо выше и имеют слабую, бедную растительность. Серая вакка и мергель проникнуты здесь до того железным окислом, что могли бы быть употреблены в плавку. У подошвы Ала[-Тау] и на отклонах серая вакка прорезывается правильными гребнеобразными прослойками кварца, внизу он серого цвета, крупнозернист, с занозистым блестящим изломом, по мере же возвышения он теряет плотность и переходит в глинистый кварцеватый песчаник.

9 февраля. Талдысай в вершинах р. Джаинды. [Переход] 19 верст. Воды нет, корма плохи. Утром -12° , пасмурно, сильный северо-восточный ветер, вечером $-18,5^{\circ}$. Переехав родник Бакир, мы миновали сыпучие отлогие холмы Бакир-Тау, имеющие протяжение с [апада] на [восток]. Судя по найденным здесь кускам медной зелени и мергеля с прослойками медной лазури и с примазкою самородной налетелой меди, можно допустить, что здесь могут быть открыты месторождения медных руд; самое название (Бакир-Тау — медные горы) служит несколько тому опорой, но совершенное отсутствие всякого горючего материала и воды, на дальнем расстоянии, делало бы бесполезным это обречение.

Серая вакка, в разных видоизменениях, рассеяна на Бакире в наибольшем количестве; они прорезываются, как и в Ала[-Тау], прожилками кварцевого песчаника.

10 февраля. Р. Джаинды. [Переход] 20 верст. Вода хорошая в полуверсте. Травы посредственные (юзган). Утром -8° , пасмурно; вечером -9° , буран s. w. Шли на север совершенно плоскими, глинисто-песчаными местами. Глубина снега увеличивается.

11 февраля Кызыл-Яр. [Переход] 15 верст. Воды нет, корм плохой, утром $-17,5^{\circ}$; вечером -21° , буран. Перерезали береговые возвышения Джаинды; обнажений незаметно; снега глубоки.

12 февраля Аты-Якши (хорошее имя), впадает в Эмбу; не доезжая 10 верст до Эмбенского укрепления. [Переход] 20 верст. Воды много. Корм хорош (боялыш). Утром -22° , вечером -13° . С места тронулись на северо-восток, по направлению к Эмбе, откуда повернули на северо-запад в параллель ее течению; береговые осыпи состоят из красной глины с гальками кварца, кремнистого камня, полевого шпата и песчаников.

(Аты-Якши. См. описание.)

13 февраля. Р. Эмба в 8 верстах от укрепления. Переход 18 верст. Воды много, корм посредственный (боялыш). Утром -12° , вечером -13° ; буран s. s. w.

14 февраля. Эмба при могиле Ходжа-Суяк. [Прошли] 14 верст. Воды много, корм хорош (боялыш). Утром -15° , вечером -17° , буран n. w. Поднявшись вверх по течению Эмбы ровными низменными местами и миновав укрепления Аты-Якши, мы переехали ее, придерживаясь глинистых крупнопадающих холмов. Угловатые куски песчаного мергеля, которые находили мы, отличаются от встреченного в отрогах Бакир-Тау совершенным отсутствием в них железных примесей, отчего мергель терял плотность и встречался серовато-белого и белого цвета. Отпечатков раковин и окаменелостей мы в нем не находили, тогда как участие их в толщах Ак-Булака и далее столь значительно, что нередко мергель уступал место раковинам, связанным глинистым цементом. Впрочем, о геогностическом строении толщ здешнего края мы ничего определенного сказать не беремся: чрезвычайно глубокие снега и недостаток обнажения горных пород по берегам рек делали почти невозможными всякие наблюдения.

15 февраля. Р. Темир. [Переход] 16 верст. Воды много, корм хорош, по берегам Темира камыш; много талов. Утром -12° , вечером $-7,5^{\circ}$, сильный юго-восточный ветер, к вечеру буран. На противоположном, правом берегу Эмбы, почти от самого укрепления, расстилались пески Ак-Кум (белые пески); огибая их, отряд переезжал неоднократно Эмбу и, поднявшись Темиром, остановился в верстах в 15-ти от его устья. Здесь природа видимо богаче: берега Темира покрыты кустарниками тальника и камышами; по лугам и возвышенностям, согласно уверениям киргизов, растут сочные, богатые травы; воды изобилуют рыбою, а прибрежные камыши кабанями. Обнажения показали здесь песчаник красновато-желтого и серого цветов, части его состоят из зерен кварца, слабо соединенных глинистым веществом. Трещины его нередко наполнены железистыми охрами, иногда даже вся масса проникнута окислом железа, и тогда плотность песчаника увеличивается. При устье Темира найдены в глине окаменелые рыбы зубы; в песчанике же ни отпечатков, ни окаменелостей не встречали. Речные наносы состоят из кварца, полевого шпата, известняков, кремнистого сланца и пр.

С 16 по 23 февраля — пребывание на Темире. Пользуясь местными удобствами, отряд расположился лагерем по Темиру¹².

24 февраля. Суходол Тагеле (гористая), впадающий в Эмбу. [Прошли] 13 верст. Воды нет, камыша много, утром —24°, вечером —20°.

25 февраля. Камышовое озеро (Сары-Копа — желтый камыш; в прошлом году часть этих камышей выгорела, почему киргизы называли его Кюк-Куль — погоревший камыш). [Прошли] 15 верст. Вода гнилая; камыш, покрывающий берега озера, служит кормом для верблюдов; травы немного. Утром —15°; вечером —6,5°, буран с. в. Поднявшись на гору, отряд достиг грядою холмов, прилегающих к Темиру, безводной вершины р. Тагеле, переехал ее 25-го числа и, держась постоянно на север, расположился в 3-м часу пополудни у Камышова озера. Вода в озере солона, имеет гнилой запах, местами не замерзает; в прилегающих к нему камышах водится много кабанов. Здесь начинаются кочевья киргизов.

26 февраля. Кульденен-Темир, впадающий в Эмбу. [Прошли] 20 верст. Вода зимой замерзает, травы посредственные (чий). Утром —9°, вечером —12°. Сильный ветер в. Имели направление на север, по ровным местам до половины пути, где опять выходят пески Ак-Кум, по волнистым местам которых следовали дальше до Тык-Темира.

Пески Ак-Кум, состоя, подобно Большим Барсукам, из бугров большей или меньшей величины, иногда сажени в 2 и 3 вышиной, изобилуют камышами и, защищая от буранов, служат зимним кочевьем для киргизов.

27 февраля. Тык-Темир (в 2,5 верстах от русла реки). [Прошли] 21 версту. Вода в 2-х верстах, корм для верблюдов посредственный, камыша много. Утром —15°, вечером —17°, ветер.

28 февраля. Пригорье, не имеющее названия. [Прошли] 18 верст. Вода и травы посредственные, утром —17°, вечером —15°.

29 февраля. Р. Кан-Агач (кровяного цвета лес) при впадении ее в Тык-Темир. [Прошли] 22 версты. Вода посредственная, корма мало, дрова есть в 3-х верстах в небольшом перелеске Кан-Агач. Утром —15°; вечером —15°.

От Тык-Темира, огибая ложбины, занесенные глубоким снегом, склонились мы возвышениями его к небольшой безводной реке Кан-Агач, получившей это название от семейства ольховного леса, рассеянного по побережью. Кан-Агач — кровавым деревом — названа ольха потому, что сердцевина ее имеет красноватый цвет.

1 марта. В 5-ти верстах от Кан-Агача. [Прошли] 5 верст. Воды нет; корм плохой. Утром —15°, буран при сильном северо-восточном ветре; к вечеру стихло, —7°. В весьма немногих местах, на вершинах холмов, обнаруживается суглинок с гальками полевого шпата, кварца, всего же более с угловатыми кусками красноватого песчаника, которого плиты составляют оплот во множестве разбросан-

¹² Метеорологические наблюдения, веденные Ковалевским в эти дни, мы не публикуем.

ных могил киргизов. Он чрезвычайно железист, отчего и встречается преимущественно красных цветов, и плотен до такой степени, что зерна его почти сливаются. Окаменелостей нами не замечено.

2 марта. Вершина Танасбая (впадает в Исенбай). [Прошли] 16 верст. Воды нет; травы плохи. Утром -8° , буря, к вечеру стихло, -10° .

3 марта. Р. Исенбай. [Прошли] 16 верст. Вода и корм для верблюдов хороши. Утром -15° ; вечером -10° .

4 марта. Р. Исенбай. [Прошли] 18 верст. Вода и корм в изобилии. Утром -12° , при ветре, вечером -12° .

5 марта. Р. Илек, вблизи Биш-Тамака. [Прошли] 20 верст. Вода и корм для верблюдов в изобилии. Утром -12° ; вечером -12° .

Через вершины Танасбая мы спустились на Исенбай и по направлению его шли два дня до Илека, которым следовали до устья Якши-Каргалы. Берега рек круты, исчерчены рытвинами; везде в отсыпях видна красная глина с обломками песчаников и речных галек. Течение рек быстрое, луга изобилуют травами или, правильнее, кустарниками, привлекающими сюда зимою на кочевья киргизов. Воды Илека и Исенбая богаты рыбою, в перелесках много дичи.

6 марта. Р. Якши-Каргала (при впадении в Илек). [Прошли] 22 версты. Воды и корма для верблюдов и лошадей достаточно; осока, жимолость, тальник, ольха. Утром -12° ; вечером -5° . Приближаясь к устью Якши-Каргалы, лес становится приметно значительнее, в особенности же отличается вышиною осока. Возвышения тянутся холмами, прорезываемыми местами рытвинами, а верстах в 8-ми от устья Якши-Каргалы впадающею в нее речкою Яман-Каргалою. Начиная от самого Исенбая снега до того глубоки, что отряд вытягивался в одну линию по тропе, проложенной перекочевавшими здесь киргизами.

7 марта Якши-Каргала. [Прошли] 18 верст. Воды много, корм посредственный, дрова есть. Утром -18° ; в 3 часа пополудни 5° , к вечеру 9° .

8 марта Якши-Каргала в верстах в 10-ти от впадающей в нее р. Дамбар. [Прошли] 18 верст. Вода и корм в изобилии, дрова есть. Утром 18° , вечером 12° . Следуя по киргизской тропе долиной Каргалы и речкою Дамбар, поднялись мы на впадающую в нее р. Алибайтал, в вершинах которой расположились лагерем, а отсюда, перерезав горы вершиною Кии-Бурти и следуя Буртею, достигли форпоста Ильинского.

9 марта р. Алибайтал, впадающая в р. Дамбар. [Прошли] 22 версты. Вода и корм в изобилии, дрова есть. Утром 11° , вечером 8° .

10 марта форпост Ильинский в 160 верстах от Оренбурга. [Прошли] 60 верст. Утром 10° , вечером 12° . От Кии-Бурти горы видимо изменяются в наружном виде: верхи их остроконечны, отклоны круче и прорываются глубокими ложбинами. Они состоят из гребней и сопок, проталины обнаружили по склонам их громадной осыпи. Обломки красного и серого цветов кремнистых песчаников рассеяны здесь в бесчисленном множестве по берегам рек, по отклинам гор

и могилам; скалистых же обнажений не встречали; в правой стороне обрисовываются Губерлинские горы.

В вершинах Кии видели мы березовые перелески и рощи; далее ольха, осокорь, тальник; уменьшаясь постепенно в количестве, при соединении Кии с Буртею, лес совершенно исчезает, а на всей Бурте стелются открытые, изобилующие травами долины.

На всем этом протяжении встречали мы кочевья киргиз-казаков.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. VIII. СПб., 1907, с. 269—270.
2. Богданов М. Н. Обзор экспедиций и естественноисторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. СПб., 1875, с. 29.
3. Борнс А. Путешествие в Бухару. Ч. 1—3. СПб., 1848—1850.
4. Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
5. Вальская Б. А. Е. П. Ковалевский и русские востоковеды. — ДВК. Вып. 2, 1965, с. 36—50.
6. Гельмерсен Г. П. О геогностическом составе Устюрта и особенно восточного склона его к Аральскому морю. — «Горный журнал». 1845, ч. 3, с. 19.
7. Григорович Д. В. Литературные воспоминания с приложением полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Л., 1928, с. 306.
8. Гумбольдт А. Письмо Я. В. Ханыкову от 16 декабря 1851 г. — «Вестник Русского географического общества». Ч. 4, 1852, с. 18.
9. Даль В. И. Письма к друзьям из похода в Хиву. — «Русский архив». 1867, год пятый, с. 619.
10. Ковалевский [Е. П.] и Гернгросс [А. Р.] Описание западной части Киргиз-Казачьей степи. — «Горный журнал». 1840, ч. 4, с. 315—346.
11. Ковалевский Е. П. Странствователь по суше и морям. Ч. 1. СПб., 1843.
12. Ковалевский Е. П. Киргизские степи (отрывок из дневника русского офицера в ноябре 1839 г.). — «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений». 1846, т. 61, № 243, с. 187—204; № 244, с. 279—292.
13. [Ковалевский] Е. Нападение хивинцев на укрепление Ак-Булак в ноябре 1839 г. (Из дневника русского офицера). — «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», 1846, т. 62, № 246, с. 127—135.
14. Ковалевский Е. П. Письмо Негошу от 9 января 1839 г. Подготовил к печати Душан Д. Вуксан. — Српска Академија, «Споменик». Београд, 1935, LXXXI, други разред. Философско-филолошке, друштвене и историске науке, 63, с. 17.
15. Мушкетов И. В. Туркестан. Т. 1. СПб., 1886, с. 96.
16. Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период второй (1801—1850). Л., 1933, с. 39.
17. Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями. — «Записки Русского географического общества». Т. 5, 1851, с. 333—334.